

ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Интервью с Фергалом Кином*

Фергал Кин является специальным корреспондентом телекомпании «Би-би-си ньюз». Он работал во многих горячих точках мира: от Северной Ирландии до Руанды и Ирака. Благодаря своим репортажам, вызвавшим волну критических отзывов по всему миру, он стал обладателем многих премий и наград. Так, в 1995 г. Королевское телевизионное общество назвало Фергала Кина лучшим журналистом года. В 1994 г. он получил премию организации «Международная амнистия» за достижения в области телевизионной журналистики. Этой награды удостоился его репортаж «Путь во мглу» – о геноциде в Руанде. Кроме того, он награжден премией издания «Индекс цензуры» за журналистскую честность, а его книга о геноциде в Руанде «Сезон крови» получила премию Джорджа Оруэлла.

: : : : : :

МККК осуществляет свою деятельность, руководствуясь такими принципами, как беспристрастность и нейтральность. Нуждается ли в подобных принципах журналистика?

Если посмотреть на журналистику в историческом плане, то выяснится, что всегда существовало несколько категорий журналистов. Поэтому нельзя считать, что журналистика бывает только одного типа. Есть люди, которые пишут газетные комментарии, касающиеся международных дел. Есть журналисты, которые работают на телеграфные агентства и выступают в роли простых «поставщиков» информации,

* Интервью состоялось 27 января 2006 г. Вопросы г-ну Ф. Кину задавали Тони Пфаннер, главный редактор «Международного журнала Красного Креста», и Ролан Юнген-Бенжамен, официальный представитель МККК в Лондоне.

и есть журналисты, которые, как я, посещают такие места, как Руанда или ЮАР, и в задачу которых входит не только сообщать факты. Люди ждут от меня анализа этих фактов. Где же та грань, за которой анализ превращается в выражение личного мнения? А ведь это происходит: вас просят выразить мнение по поводу того, что должно случиться. Что касается вопроса о строгой беспристрастности, я не думаю, что это относится к журналистике. Но я уверен, что журналист может быть честным.

Полагается ли журналистам работать в рамках какого-то правового поля или в соответствии с определенным кодексом поведения?

Я думаю, что кодекс и закон – разные вещи. В принципе, я не считаю, что политики должны иметь право давать указания журналистам. Получив такую возможность, они будут тщательно скрывать свою продажность и лживую натуру, и это действительно происходит по всему миру. Тем не менее следует подумать о создании более нравственного кодекса для журналистов, хотя, как мне кажется, мы находимся в ситуации, когда уже поздно махать кулаками после драки.

Вы говорите это, потому что речь идет о круглосуточном воздействии на нас медийной среды?

А кто будет контролировать эту медийную среду на международном уровне? У вас есть альтернатива? Есть ли она у меня? Вы начинаете там, где люди приходят в журналистику, и именно там вы пытаетесь воспитать их. Возможно, это звучит предательски по отношению к моему католическому прошлому, но я уверен, что именно вы начинаете прививать им нравственные ценности. Всякий раз, когда я слышу, как люди говорят о «медийном бизнесе», я по-настоящему свирепею, потому что не верю, что таковой существует. Прежде всего, журналистика – не бизнес. Когда вы считаете, что это бизнес, и рассуждаете о таких рыночных понятиях, как акции и рейтинги, вы поощряете спорщиков, тех, кто говорит: «Ладно, если мы это событие подадим под таким соусом, наши акции поползут вверх, потому что именно этого хочет публика». Я считаю, что это главная опасность в журналистике. Мы обеспокоены тем, что на нас оказывается давление со стороны правительств и лоббирующих те или иные интересы групп, но реальная угроза – это деньги. «Дадим людям, чего они хотят. Если усилия, направленные на то, чтобы подпитывать их предрассудки, приносят доход, почему бы этого не делать?» Я думаю, мы слишком мало времени уделяем этому вопросу.

А меняется ли роль самих средств массовой информации?

Это действительно происходит, и происходит, с горечью должен сказать, скорее потому, что средствами массовой информации манипулируют, а не потому, что к этому стремятся сами журналисты. Таким образом, многое из того, что происходит сегодня, когда новостные каналы вещают 24 часа в сутки, является практически манипуляцией средствами массовой информации.

Как вам удается вести свои репортажи, разрабатывать ту или иную тему и высказывать свое мнение, сохраняя беспристрастность?

В ЮАР, например, можно было рассказывать об апартеиде, показывая отвратительную, с нравственной точки зрения, сущность этого режима, не отстаивая тем не менее интересы той или иной политической партии или лоббистской группы. Как журналист я абсолютно уверен, что не должен выступать на стороне АНК в ЮАР или какой-либо политической группы в другом месте – независимо от того, насколько справедливым может показаться дело, за которое они борются. Так же было и в Руанде, где, я уверен, не все журналисты до конца выполнили свою задачу после геноцида 1994 г., поскольку испытывали сильное чувство вины из-за того, что недостаточно широко освещали эти ужасные события. Многие средства массовой информации осознали, что им не удалось объективно рассказать о том, что произошло, и впоследствии новое руандийское правительство получило карт-бланш. Как еще можем мы объяснить, что события, происшедшие в Конго, не освещались должным образом? Это самый ужасный гуманитарный кризис нашего времени – более четырех миллионов погибших, – но вы ничего не узнаете об этом из наших газет. Для меня это один из примеров несправедливости и необъективности.

Эти события не освещались средствами массовой информации из-за затрудненного доступа в Конго и проблем в сфере безопасности?

Да, но есть и другие проблемы. За последние несколько лет я пять раз был в Конго. И как журналист сожалею, что раньше туда не поехал. Я работал в Азии, когда началась эта война и на Киншасу через всю Африку двигалась целая армия. Но я не знаю, какие причины назовут другие журналисты. В этой стране происходили важные события, но мы недостаточно уделили им внимания и не выяснили, что же там действительно произошло.

Вы считаете, что средства массовой информации должны расследовать военные преступления?

Давайте не будем говорить о том, что средствам массовой информации отводится только одна роль. Это ведь не так. Они выполняют множество функций, на которые влияют многие факторы. Необходимо сообщать о событиях, как только представится возможность удостовериться в том, что они произошли. Мне думается, мы слишком быстро сообщаем о вещах, которые не являются фактами, – это результат давления, которое испытывают люди под воздействием круглосуточного вещания радио- и телекомпаний. В этом заключается первая серьезная проблема. Второй фактор таков: за последние 10–15 лет увеличилось количество очень влиятельных лоббистских групп, и это касается не только Ближнего Востока, но и всех остальных регионов. Сегодня весьма сложные по своей структуре партизанские движения, имеющие в своем распоряжении спутниковую связь, очень тщательно отслеживают работу средств массовой информации и научились умело манипулировать ими. Мы убедились в этом в Конго. И, наконец, журналистское сообщество, как мне кажется, не до конца осознало, в чем сегодня заключаются особенности новой ситуации. А она очень быстро меняется.

Вот вы спросили: «Входит ли в ваши функции заниматься расследованием?» Конечно, входит. А как раздобыть фактический материал? Серьезная проблема заключается в том, что мы доверяем информации, поступающей от предполагаемых очевидцев событий, неправительственных организаций (НПО), лоббистских групп. Мы принимаем ее за чистую монету, используем для репортажа, а затем – «Да... Возможно, число убитых, которое нам сообщили, не соответствует действительности: их было меньше». Тенденция принимать любую информацию давно существует в журналистских кругах. Но меня действительно беспокоит, когда в эпоху круглосуточного вещания радио и телевидения нам говорят: «Свои дома покинули три миллиона человек. По другим источникам – два. Ладно, пусть будет три». Людям подавай большее число беженцев или погибших, хотя большие цифры должны настораживать.

Это результат того, что вам необходимо угнаться за новостями и нет времени для расследования тех или иных фактов?

Здесь нужно учитывать несколько факторов. Я пришел к выводу, например, что в Северной Ирландии основным фактором стала инерция. События приобрели будничность, они ничем не завершились, и люди утратили к ним интерес. Все может быть сведено и к другому шаблону: если какое-то трагическое событие происходит в Багдаде, кто-нибудь стоит на крыше и рассказывает нам о случившемся. Вы мо-

жете также получить несколько кадров о происшедшем, отснятых местным арабским оператором. Только по-настоящему серьезное происшествие, как, например, давка среди бегущих в панике по мосту людей, может быть подана как новость. Что же касается расследования событий, действительно происшедших в том или ином месте, я думаю, что главным препятствием к этому является страх подвергнуться нападению. Но так не должно быть. Надо решить эту проблему. И меня беспокоит отсутствие творческого подхода, пассивность и нежелание найти другие пути, чтобы выяснить, что же произошло.

Наступление эры круглосуточного вещания изменило журналистику, а журналисты «проспали» информационную революцию. В результате власть над информацией переходит из наших рук к людям с мобильными телефонами. Блогеры стали частью новой власти. Вспомните, что произошло здесь, в Лондоне, 7 июля 2005 г. во время террористических актов. Новостные программы начинались с показа потрясающего 10-секундного видеofilmа, который один из прохожих отснял при помощи своего мобильного телефона. Эти кадры были показаны по всему миру.

Иногда высказываются критические мнения по поводу того, что журналисты эффектно указывают на недостатки властей или политических деятелей, но менее успешно подают положительную информацию или предлагают решения.

К этому вопросу нужно подходить очень осторожно. Если посмотреть на журналистику с исторической точки зрения, то станет очевидно, насколько важной была эта сторона деятельности журналистов, благодаря ее влиянию на сознание людей. Мы оказались свидетелями геноцида в Руанде и войн, которыми сопровождался распад Югославии. В эпоху, когда люди становятся свидетелями ужасных событий, на которые Запад слабо реагирует или не реагирует вовсе, среди журналистов возникают весьма интервенционистские настроения. Легче легкого найти журналиста, который предложит тот или иной способ решения различных проблем – чаще всего это решение, которое предполагает военную интервенцию.

А возьмите современные войны, например, конфликт в Ираке или возможную войну с Ираном. У меня очень серьезную обеспокоенность вызывает мысль о том, чтобы обращаться за советом к журналистам, которых никто не выбирал и которые, в конце концов, не представляют никого, кроме компании, на которую они работают. Мы, сотрудники Би-би-си, можем сказать: «Да, мы представляем миллионы людей, которые оплачивают нашу лицензию». И это важно. Мы должны

стремиться к тому, чтобы докопаться до истины, и это достаточно сложная задача.

Но когда вы утверждаете, что мы должны предлагать решения, я опасаясь, что появится немало людей, которые захотят предложить вам собственные решения. И со всех концов посыплются предложения, касающиеся интервенции в разных местах, и неожиданно вы сами станете участником военной интервенции под давлением умозрительных аргументов, как это было в случае интервенции США в Ираке, которая получила сильную поддержку со стороны влиятельных американских средств массовой информации. А остальные СМИ недостаточно тщательно исследовали эту проблему. Если посмотреть на журналистов, освещающих иракскую войну, с точки зрения ее сторонников, то станет очевидно, какое огромное влияние они оказали на формирование государственной политики. Вы думаете, это пошло на пользу?

Если выдвигаются такого рода аргументы, должны ли журналисты при анализе той или иной ситуации предлагать возможные решения, которые правительства и другие акторы могут взять на вооружение? Конечно, это наша работа. Если бы в Багдаде у меня спросили: «Как должно поступить иракское правительство в этой конкретной ситуации (применительно к случаям жестокого обращения с заключенными)?», я бы ответил: «Одно из решений – провести расследование. Другое – пригласить независимого следователя, третье – прислушаться к рекомендациям со стороны МККК, а может быть, согласиться одновременно и на то, и на другое, и на третье». Я точно знаю, чего вам не следует делать – это стоять на крыше и говорить: «Я считаю, что правительству необходимо провести всестороннее расследование, а также уволить всех, кто был в этом замешан».

Таким образом, средства массовой информации играют также конструктивную роль?

Да, но в этом и различие между нами и вами. Ваша задача заключается в том, чтобы решить проблему, идет ли речь об издевательствах над заключенными или о том, чтобы более не допустить подобных случаев. Для достижения этой цели вы несколько не заинтересованы в том, чтобы проблема приобрела широкую огласку. У нас по-другому. Я имею в виду освещение того, что происходит. Бывает, что разоблачение, например, издевательства над заключенными, нарушает планы тех, кто пытается что-то сделать в этой области, добиваясь прекращения такого обращения. Однако если ты, журналист, знал о случившемся и ничего не сделал, ты рискуешь серьезно скомпрометировать себя. Это происходит тогда, когда ты скрываешь информацию и говоришь:

«Я ничего не буду рассказывать об этих ужасных массовых убийствах, потому что это может отрицательно сказаться на мирных переговорах». Где следует остановиться, когда идешь по этому пути? Наша работа заключается в том, чтобы рассказывать о событиях. В ваши обязанности это не входит, и я всегда понимал, какова роль МККК. Ваша цель – выполнить конкретные задачи. Наша – выяснить, что происходит, но это не означает, что мы умышленно придаем нашим действиям деструктивный характер.

Исследователь, проанализировавший освещение средствами массовой информации двух войн в Персидском заливе – 1991 года и 2003 года, – пришел к выводу, что в случае, если люди считают войну законной, СМИ будут меньше рассказывать о серьезных нарушениях. Если же в глазах общественно-го мнения война носит незаконный характер, средства массовой информации будут уделять большее внимание нарушениям и военным преступлениям.

Если обратиться к иракскому конфликту, то к очевидным журналистским неудачам следует отнести случившееся в Эль-Фаллудже. Предположим, Би-би-си направило в Эль-Фаллуджу собственного корреспондента, который не был прикомандирован ни к одной из частей вооруженных сил коалиции. Как вы думаете, что бы произошло с этим человеком? Возможно, его бы похитили и убили. Вы зависите от людей, обеспечивающих вашу охрану, значит, ваши репортажи не будут беспристрастными. Вы станете видеть только определенную, весьма ограниченную, часть событий, бомбы и снаряды, летящие в одном направлении. Вы не видите, что происходит по другую сторону.

Подкрепляется ли как-то этот тезис тем, что мы соглашаемся с законным характером происходящего в этом регионе? Я так не думаю. Что вам ответит рядовой журналист Би-би-си, которого послали в Ирак освещать такие события, как те, что произошли в Эль-Фаллудже? Считает ли он, что эта операция носит законный характер и что в этой связи репортажи о такой войне должны звучать более мягко? Я не думаю, что он даст вам положительный ответ.

Можете ли вы быть полностью независимым в своей работе?

Как в любой другой крупной организации, мы подвергаемся давлению. Любопытно, что прежде чем перейти в Би-би-си, я работал в ирландской радиовещательной компании, в то время конфликт в Ирландии достиг пика своей интенсивности. Давление на нас оказывалось значительно более сильное, поскольку связи между государством и радио-

компанией были гораздо теснее. Здесь, по большей части, британское правительство нас откровенно ненавидит. Часто ему не нравятся наши репортажи. Я считаю, что наша позиция вполне правильная. Мы должны быть в состоянии давать жесткий отпор. Работая в Би-би-си, мы столкнулись, как вам известно, с определенными трудностями – я имею в виду доклад лорда Хаттона относительно гибели доктора Дэвида Келли. Все это имело драматические последствия для нашей организации, и в будущем нам необходимо следить за тем, чтобы нас не запугивали и чтобы мы могли говорить всю правду. Мы не должны закрывать глаза на проблемы, которые могут причинить неприятности или раздражать какую-то группу людей. Если правда носит оскорбительный характер, пусть так и будет. Я хочу сказать: никогда не падайте духом! Именно с таким призывом я обращаюсь ко всем сотрудникам нашей телекомпании.

Но вы оказываетесь в совершенно другом положении, когда освещаете конфликт, в котором ваша страна принимает непосредственное участие. Репортажи о событиях в Кот д'Ивуаре не будут иметь таких последствий, как то, что вы можете рассказать о поведении британских солдат в Ираке. Конечно, потому что эти репортажи смотрят их дети, и нам это прекрасно известно. Но означает ли это, что я буду скрывать правду, если узнаю о каком-либо злодеянии, совершенном британскими солдатами? Нет, я скорее откажусь от работы. Но, конечно, я говорю только за себя.

У ваших репортажей есть своя публика? Означает ли это, что на ваши взгляды неизбежно будет оказывать влияние ваша потенциальная – национальная и международная – аудитория?

Я думаю, что именно этого и нужно избегать. Я вырос в Ирландии, где мы получали ирландские издания английских газет. Если в них печатался какой-нибудь материал о Северной Ирландии, то ирландская версия совершенно отличалась от британской способом подачи информации. Эта информация была адаптирована для ирландского читателя. В британской печати речь шла, например, о «жестоких террористах». Вы не можете давать ту или иную версию правдивой информации в зависимости от того, кому она предназначена. Необходимо придерживаться какого-то основного стандарта.

Аудиторию Би-би-си составляют различные классы и группы из разных стран, необязательно она формируется по геогра-

фическому принципу. Ваша компания собирается создать канал, вещающий на арабском языке, а телеканал Аль-Джазира организует англоязычную службу. Люди сознательно выбирают один информационный канал, а не другой, и большинство людей не могут получить информацию одновременно из обоих источников из-за языкового барьера. Но даже если вскоре Би-би-си начнет передачи на арабском языке, значительная часть арабского населения не захочет их смотреть.

Можем ли мы состязаться с Аль-Джазирой на этом канале? Нет. Нужно заниматься тем, что лучше всего делаешь. Человек может не доверять средствам массовой информации своей страны и верить той полуправде, которую будет ему сообщать Би-би-си. Совершенны ли мы? Далеко не совершенны. Находимся ли мы под давлением лоббистских групп и воздействует ли на нас дезинформация? Конечно, да, и все средства массовой информации находятся в таком положении. Не будем лицемерить. Делаем ли мы все, что в наших силах, чтобы сообщать людям правдивую информацию? Я думаю, что да, но мы должны признать существование определенных ограничений. Мы научились охотнее признавать свои ошибки, но не научились еще пока говорить: «Мы можем сделать только то или это по таким-то причинам».

Сумеют ли, по вашему мнению, средства массовой информации поддерживать свою репутацию, учитывая тот факт, что существуют аудитории, которые не доверяют некоторым источникам информации, поскольку те представляют те или иные страны или регионы?

Величайшая трагедия нашего времени состоит в том, что происходит отказ от здравого смысла, и это полностью подтвердила война в Ираке. Я наблюдал обстановку вокруг иракской войны с обеих сторон – все это можно охарактеризовать одной фразой: «Упиваться сознанием собственной правоты». Это – основной критерий оценки деятельности СМИ в наше время как на национальном, так и международном уровне. Люди хотят, чтобы их предрассудки подтверждались, а не оспаривались. Это отказ от ценностей, которые были провозглашены в эпоху Просвещения, отказ от аргументированной открытой дискуссии. Представители левого или правого толка общаются друг с другом в чрезвычайно оскорбительном тоне. Их отношения характеризуются недоброжелательностью и раздражительностью, и они не желают вступать в дискуссию. Отсутствие обоснованных аргументов зачастую даже не смешит, наоборот, в этом кроется серьезная опасность. Изменить все можно только в результате очень длительного процесса. Здесь речь идет скорее о ходе истории, чем о наших возможнос-

тях. Необходимо постепенно прийти к пониманию того, что происходит в Ираке и на Ближнем Востоке.

В настоящее время разнообразными средствами коммуникации охвачены широкие слои населения. Могут ли известные писатели и журналисты, как прежде, влиять на ход событий?

Мне кажется, что сегодня есть люди, в частности в Америке, которые пользуются огромным влиянием. Особенно ощутимо их воздействие на формирование государственной политики. Весьма велико влияние таких обозревателей-консерваторов, как Ирвин Кристол или Роберт Новак; в меньшей степени некоторых комментаторов, придерживающихся левых взглядов, – просто потому что у власти находятся правые силы. Упрекнуть я их могу в том, что в отличие от мыслителей эпохи Просвещения они не придерживаются рационалистического мышления. Мы живем в эпоху полемистов, а не рационалистов. Идеи, высказываемые Робертом Новаком, не могут обсуждаться в студенческой аудитории или кафе, но, поверьте мне, они принимаются всерьез в других кругах.

Вернемся к практической деятельности репортеров. Во время последней войны в Ираке за два с половиной года погибло более 70 журналистов. Необходимо ли прикомандировывать журналистов к воинским частям, чтобы они могли освещать те или иные военные события?

Хотел бы я знать... Среди прикомандированных к частям морской пехоты США были уважаемые мной журналисты. Но разоблачительный репортаж об использовании белого фосфора в операции в Эль-Фаллудже подготовлен группой итальянских документалистов. Почему это сделали они? Почему спустя столько времени после этих событий? Снова приходится говорить об отсутствии инициативы. Насколько я знаю, мы не проявляем активности, стремясь должным образом освещать такого рода операции. Если бы это было по-другому, мы бы сами рассказали о случившемся. Кто-то, возможно, нашел бы способ иначе посмотреть на осаду Эль-Фаллуджи. Но мы этого не сделали – ни Би-би-си, ни другие информагентства, насколько я знаю. А итальянцы сделали – за что им честь и хвала.

В Сомали, Ираке и других регионах, где работа сопряжена с большим риском, гуманитарные организации изыскивают альтернативные способы оказания помощи жертвам войны: например, более активно привлекают к участию в своих операциях местных сотрудников. Очевидно, журналисты также рассматривают иные подходы к освещению событий в ус-

ловиях, представляющих реальную опасность для их жизни и здоровья?

Вы поднимаете интересный вопрос, на котором я хотел бы остановиться, поскольку он тесно связан с тем, что я говорил по поводу операции в Эль-Фаллудже. Если для меня или других иностранных журналистов слишком опасно работать в зоне конфликта, почему бы нам не привлечь к этому арабских журналистов? Разве они не способны подготовить репортаж? Кто может работать для нас? Кто в состоянии выполнять эту работу в Ираке? Нам необходимо найти альтернативные решения. Было бы смерти подобно посылать в Эль-Фаллуджу меня или другого западного репортера. Означает ли это, что мы не можем выполнять свои журналистские обязанности? И почему мы, представители западных средств массовой информации, ждали все это время и не пытались принять какие-либо решения?

Однако большинство убитых в Ираке журналистов были иракцами. В этой стране вас могут убить не потому, что вы иностранец. Вас могут убить потому, что вы появляетесь с телекамерой в неподходящее время в неподходящем месте.

Да, но здесь ситуация более серьезная, чем та, с которой мы сталкиваемся в Африке или других местах. Мы идем на риск сознательно. Тут ситуация иная, и она осложняется тем, что за мою голову дадут больше, чем за голову местного репортера.

Наша проблема заключается в конкретных препятствиях, с которыми мы сталкиваемся при сборе материала для репортажа, а не в давлении политического характера. После того, как Багдад пал, я находился в Ираке в течение нескольких недель и сделал репортажи о случаях применения кассетных бомб. Когда я позвонил в Лондон, меня спросили: «Вы на 100 процентов уверены в достоверности вашей информации?» Сомневаюсь, что мне задали бы подобный вопрос, если бы речь шла о подрыве бомбы смертником. Дело в том, что к репортажам, содержащим потенциально противоречивые и провокационные цифры и факты, касающиеся сил коалиции, предъявляются повышенные требования. Но настолько ли они высоки, чтобы отбить у журналистов желание выполнять свою работу? Я так не думаю.

То есть реальная проблема – это угроза жизни?

Что удержало меня от того, чтобы сделать фильм об осаде Эль-Фаллуджи? Я не хотел, чтобы меня убили. Все очень просто. Не имеет значения, кто они и насколько велико их влияние. Я мог бы бросить им вызов, но я не хочу умирать.

Осознал это я поздно, может показаться, что в мои 45 лет – даже слишком поздно. Но есть вопросы, которые не нуждаются в ответах. Существуют ситуации, которые не требуется разрешать. В большинстве случаев вы тоже выберете невероятно сложный путь.

В своих отношениях с прессой МККК до сих пор занимает довольно консервативные позиции. Как, на ваш взгляд, складываются взаимоотношения между гуманитарными организациями и средствами массовой информации?

Как это ни странно звучит, но несколько лет назад я бы более критически относился к МККК. Чем дольше я наблюдаю, как СМИ работают рука об руку с неправительственными организациями, тем лучше понимаю сдержанность МККК и его некоторую отстраненность. Я думаю, что так лучше для всех. Во многих ситуациях СМИ и НПО манипулируют друг другом, чтобы получить желаемое, и я не уверен, что в долгосрочном плане это им принесет пользу. Если бы журналист имел дело не с гуманитарной, а с другой организацией, то он рассматривал бы происходящие события вне нравственного контекста: вот он приезжает в какое-нибудь место, действительно получает интересный материал, который на тарелочке ему преподносят, он беседует с директором лагеря для беженцев – и репортаж готов. В первое время это, наверное, поможет НПО в сборе средств, но я не думаю, что такой подход в чьих-либо интересах в долгосрочном плане, – я имею в виду НПО и средства массовой информации. Мы прекратили непрерывно критиковать друг друга, потому что между нами такие вот сложные отношения. Признаюсь, сам попал в подобную ловушку. Нам нужно вернуться назад. МККК заслуживает большего доверия, потому что журналисты знают, что вас не обуревают желание привлечь внимание прессы. Вы не нуждаетесь в этом внимании. Вот чем вы отличаетесь от других.

Один журналист заявил, что не может провести различия между теми, кто рассказывает о тех или иных событиях, тем, что сказали жертвы конфликта, и тем, что сообщают представители НПО.

Да, у происходящего есть еще один аспект. Дело в том, что содержание материала для репортажа, особенно в Африке, определяют иностранцы. Можно видеть, как белый журналист беседует с белым сотрудником НПО, рассказывающим об африканцах. И это плохо. Это развивает у людей беспомощность и ставит их в зависимость от других. Причем те, кто рассказывает о каких-либо событиях, уже перестают быть авторами этого рассказа: подтверждается старый миф о телекамере, которая ворует у человека душу. Но здесь мы имеем дело с чем-то большим, чем просто миф. МККК счита-

ет, что, поскольку мы живем в мире, помешанном на средствах массовой информации и перенасыщенном ими, стремление что-то изменить или улучшить, будет расти. Но тогда вы можете распрощаться с той работой, которая имеет для вас решающее значение. Вы не успеете окунуть в это болото ступню, как увязнете в нем по пояс. И вам это известно. Все, о чем я говорю, вам прекрасно известно.

Вы утверждаете, что обоснованность и достоверность не должны ставиться под угрозу в результате быстрого перехода к круглосуточному освещению событий, не так ли?

Именно так! Помимо гонки за гласностью, существуют другие способы быть нравственным. За последнее время мои взгляды существенно изменились. Раньше я был более авторитарным, любил говорить: «Я считаю, что это надо сделать так, а это – так». Для достижения своих целей вы прибегаете к несколько иным методам, и именно поэтому мое отношение к МККК изменилось. Мне больше не хочется безрассудно бросаться туда, где идут ожесточенные бои. Ведь о чем рассказывают в своих репортажах многие журналисты? «Там-то идет война, и это ужасно». Скажите мне то, чего бы я не знал! Необходимо осознать, что в какой-то момент тобой овладевает желание подать сенсационный материал – и отступить назад. Я против ханжества, но глубоко верю в то, что всегда волновало меня, – непреходящую ценность прав человека. Это взволновало меня еще задолго до того, как я увлекся журналистикой.